

знания непустоты объема этого понятия в границах теоретического разума на уровне знания. Это же условие является необходимым, но недостаточным для признания Иисуса Христа как сущности феноменального мира на уровне знания, но является необходимым и достаточным, чтобы признать его существование на уровне абсолютной веры аналогично тому, как мы можем абсолютно верить в потенциальную эмпирическую непустоту понятия «крылатая лошадь», потому что содержание этого понятия абсолютно непротиворечиво и возникновение таких живых существ в определенных условиях не противоречит, в принципе, законам эволюции живого. Именно в этом направлении, т. е. в направлении обоснования подлинной духовности, связанной с признанием существования сверхчувственных сущностей в границах теоретического разума в статусе знания или в статусе абсолютной и, следовательно, святой веры я вижу плодотворные поиски русской философской духовной мысли, а свои усилия — в качестве попытки построить мост между западно-европейской и русской философией посредством подведения под них общего понятийного фундамента, основы которого разработаны великим кенигсбергером — Иммануилом Кантом. Одновременно я делаю попытку возродить ключевые проблемы традиционной метафизики на новой логико-когнитивной основе. Как известно, со времен Канта логико-когнитивные науки сделали огромный шаг вперед, благодаря чему их методологическое применение делает возможным ревизию предшествующих философских результатов и через это — дальнейшее развитие философского познания.

¹ Kant I. Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1992. S. 4—5.

² Ibid. S. 5.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Достоевский Ф. М. Соч.: В 10 т. Т. 9. М., 1958.

⁶ Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления. М.: Моск. ун-т, 1989. С. 12—13.

⁷ Троепольский А. Н. Логико-когнитивный анализ границы между научным знанием и верой в критической философии Канта//Кантовский сборник. Калининград, 1994. Вып. 18.

ИОЗЕФ КОНЕН

(Люксембургский университет, Люксембург)

Странная дружба Иммануила Канта: Мария Шарлотта Якоби-Гёшен

Тема «галантного магистра»¹, каковым в силу определенного мнения считался Кант в свои молодые годы, так, вероятно, никогда и не найдет своего логического завершения. Также, по-видимому, никогда окончательно не удастся выяснить вопрос о

том, соответствует ли полностью это обозначение заимствованному из французского общеупотребительному понятию или же здесь подразумевается исключительно внешняя эlegantность как специфически светская манера поведения.

То, что подобная репутация Канта как таковая выросла не на пустом месте и имеет под собой определенные основания, доказывает многолетняя дружба кенигсбергского философа с женщиной, без сомнения, принадлежавшей к одним из прекраснейших и очаровательнейших, но вместе с тем и вызывавших постоянные пересуды женских фигур восточно-прусской провинциальной столицы. Этим отношениям вплоть до сегодняшнего дня уделялось недостаточное внимание, и свидетельства о них дошли до нас лишь в очень ограниченном объеме. И тем не менее они высвечивают особую сторону характера как самого Канта, так и высших кругов кенигсбергского общества.

Мария Шарлотта Швинк происходила из весьма состоятельной и уважаемой кенигсбергской купеческой семьи. Основатель местного торгового дома Георг Фридрих Швинк переселился сюда из Ульма где-то в начале XVIII века². Здесь он взял в жены Шарлотту Дециматор, купеческую дочь, чьи предки прослеживаются в Кенигсберге с 1600 года, и после смерти жены в 1736 году купил на так называемом Кнайпхофском Клаппервизе (Охотничьем лугу. — *Примеч. пер.*) значительный земельный участок, простиравшийся от Кнохен-штрассе до Фэстунгсштрассе. Там он выстроил себе богатый представительный дом с прилегающими к нему садом, теплицей, где выращивались спаржевые культуры, оранжереей и четырема товарными складами. После своей смерти в 1756 году он оставил трем своим детям значительное состояние. Однако очень скоро его старший сын и главный наследник — Георг Фридрих младший — попал в затруднительное финансовое положение и постепенно был вынужден отказаться от своих лучших складов. И, по-видимому, лишь поддержка его зятя (мужа сестры. — *Примеч. пер.*) Якоби позволила ему избежать продажи имущества с торгов. После этого благодаря имущественному положению своей жены Юстины Теодоры Каллер он оправился настолько, что вдобавок ко всему заимел поместья на Гальтгарбене, в Реессене и Викау, а со временем превратил свой патрицианский дом по Фэстунгсштрассе и летний дом на «Хуфенах», где в основном стремились заложить себе вторую резиденцию самые богатые кенигсбергские буржуа и аристократы, в излюбленнейшие места встреч видных лиц города.

Основная часть капитала фирмы была помещена в лесоторговую кампанию, куда входили и Диттриховские мельницы; здесь были компаньонами шведский консул в Кенигсберге И. Ф. Кох, Мартин Готтлиб Дэтц и братья Дэвид и Генрих Беркли. Компаньоном стал и его зять Иоганн Конрад Якоби, родом из Грюнштадта в Пфальце. В свое время он получил коммерческое

образование во Франкфурте-на-Майне, работал затем у берлинского банкира Георга Вильгельма Швейггера и в 1750 году в возрасте 33 лет прибыл по служебному поручению в столицу восточно-прусской провинции. Он отвечал за обеспечение Кенигсбергского монетного двора серебром, медью и иностранной монетой, а также за сбыт чеканеных двором денег³. Очевидно, его сразу же очаровала красота юной Марии Шарлотты Швинк, сестры Георга Фридриха, поскольку он остался в Кенигсберге, женился в свои 35 лет на этой еще не достигшей 13-летнего возраста девочке и в качестве компаньона вошел в правление фирмы своего тестя и двух свояков. Шарлотта родилась 17 июля 1739 года, а свадьба, согласно конторской книге Якоби за 1751—1753 гг.⁴, состоялась 6 июня 1752 года. По этому поводу местный поэт Иоганн Фридрих Лаусон произнес одну из своих странно-обстоятельных импровизаций⁵.

В рамках этого семейного предприятия Якоби организовал собственное банковско-комиссионное дело, просуществовавшее с 1788 года до начала XX столетия в доме № 29 по Магистерштрассе. В 1754 году на углу Юнкер-гассе и Театер-штрассе, вплотную к Гиппелевскому дворцу, он купил старый так называемый Донавский дворянский дом и сделал его, в свою очередь, местом светских раутов. Вместе с тем ему удалось привлечь в Кенигсберг двух своих братьев, которые со временем также сделались преуспевающими коммерсантами. Один из них, Георг Эрнст Кристманн (1728—1789), был судовым маклером и таможенным начетчиком; второй же, Иоганн Вильгельм (1724—1799), открыл напротив Альтштадтской ратуши виноторговлю.

Якоби был ловким и разносторонним коммерсантом, но обладавшим в первую очередь особым чутьем к сбыту всяческих экзотических продуктов. Его конторская (бухгалтерская) книга дает наглядное представление о разветвленности его торговых операций. Так, до начала Семилетней войны он импортировал в страну кофе «Бурбон» и кофе с острова Мартиника, а с 1752 года выписывал из Голландии картофель — пожалуй, самый первый картофель в Кенигсберге вообще. Кроме этого, он получал по заказам чай из Англии и масло из Корка, что в Ирландии. Плюс ко всему торговал воском, щетиной, янтарем и даже буйволиной кожей, шедшей на изготовление обмундирования. Занимался он и торговлей русской икрой и горчицей, канадским рысьим мехом и, наконец, железными кроватями, которые произвели сенсацию в мебельной отрасли Восточной Пруссии⁶. Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что эта семья представляла собой в Кенигсберге значительную финансовую силу.

Мария Шарлотта Швинк, как позднее и ее племянница Челеста, обрученная одно время (в 1785 г.) со студентом Фридрихом Гентцем, была существом чрезвычайно темпераментным и беззаботным. Ее пышная, не по годам развитая фигура и вызывающе

громкое, эксцентричное поведение делали ее в городе одной из притягательнейших персон, подчинявших себе самые различные типы мужчин. В разговорах ее называли просто «принцессой Якоби». Она умела постоянно держать возле себя целый сонм почитателей, с которыми попеременно появлялась на высоких светских раутах. И Кант вместе с директором монетного двора Гешеном входил в ее свиту, посещая с ней и театр, и даже балы-маскарады⁷. И если Гиппель иронически назвал обоих «маскопистами» (термин относится к эпохе существования Ганзейского союза, заимствован из шведского языка и означает участников (пайщиков) какого-либо торгового (коммерческого) общества — компаньонов. — *Примеч. пер.*), то не в последнюю очередь это объясняется тем бросающимся в глаза постоянством, с каким наши герои в течение нескольких лет, неизменно вместе, сопровождали на публике жену коммерции советника.

Это знакомство покажется тем более странным, если принять во внимание то обстоятельство, что Шарлотта хотя и была довольно начитанной, однако в недостаточной степени образованной, и вследствие своего не всегда уместного поведения частенько давала повод для неприятных сцен.

Два письма, адресованных Канту, — одно от 12 июня 1762 года, написанное в ее саду, а другое из Берлина от 18 января 1766 года — свидетельствуют о свободной манере обращения с друзьями своего мужа и о больших пробелах в знании орфографии:

«Дорогой друг Вас не удивляет, что я осмеливаюсь писать Вам великому философу? Я полагала найти вас вчера в моем саду, но поскольку моя подруга вместе со мной тихонько прокрулись по всем аллеям и не нашли нашего друга под этим крушком небесным, то занимаю себя изготовкой ленты к шпаге, она предназначена вам. Я заявляю претензии на Ваше общество Завтра пополудни. Да, Да приду, слышу я ваши слова, ну Хорашо, мы ожидаем вас, тогда будут заведены и мои часы, простите мне это напоминание Моя подруга и Я пересылаем Вам поцелуй по симпатии Ведь воздух в Кнайпхоффе будет на верно тот же самый, чтобы наш поцелуй не потерял бы этой Симпатической силы, Прощайте»⁹.

Чуть позже Кант, действительно, получил в подарок упомянутую ленту, от которой, как и от полагающейся к ней шпаге с ножнами, отказался, по сведениям Ф. Гаузе, лишь с началом Французской революции¹⁰.

Сейчас уже трудно определить, насколько действительно хорошо знала его Шарлотта в то время, как и то, почему он был так ею увлечен. Живое дружеское расположение Канта к Якоби и Гёшену, с одной стороны, и ее пленительная внешность — с другой, по-видимому, еще не могут служить достаточными основаниями для объяснения этого его поведения. Во всяком случае, известно, что общение со знаменитым профессором Альбер-

тины довольно скоро было признано кенигсбергским обществом за одну из престижнейших городских привилегий, и потому Шарлотта, очевидно, должна была занимать в отношении нашего общительного героя особо благосклонную позицию.

Ссылаясь на героя одноименного романа Лоренса Стерна — Тристрама Шенди, отец которого имел обыкновение по воскресным вечерам заводить большие напольные часы, а затем выполнять свои супружеские обязанности, историк литературы Гулыга не стесняется усмотреть в словах Шарлотты в вышепротитированном письме о «заведенных часах» намек даже на интимные отношения¹¹. Как бы там ни было, но на протяжении всей своей жизни Кант был восприимчив к знакам женского внимания, что, безусловно, подтверждает и его долгая дружба с графиней Кайзерлинг, в течение многих лет опекавшей философа. Поэтому смеем предположить, что наш общительный ученый не без некоторой доли удовлетворенного тщеславия принимал периодическую заботу со стороны этой прекрасной женщины.

И напротив, представляется ошибочным то, что сейчас некоторые филологи и психологи с упорством, достойным лучшего применения, пытаются установить прямую связь между этим отдельным знакомством и кантовской — между прочим, порой довольно противоречивой — философией полов, особенно что касается «Наблюдений над чувством возвышенного и прекрасного»¹².

Мария Шарлотта нравилась Канту совершенно естественно, и поэтому отношение философа с ней следует рассматривать именно как случай, когда кто-либо поддерживает с определенным лицом такие отношения, которые кажутся для окружающих странными.

Конечно же, многое в характере и поведении этой женщины такой человек, как Кант, поневоле одобрить не мог; и однако же он видел в ней те черты, отсутствие которых замечал у других женщин и к которым относился очень серьезно, поскольку они соответствовали его превосходившим взгляды Руссо представлениям об общественном и духовном развитии женщины. Поскольку часто за его столом собирались люди, трудов его не читавшие, то для его великодушной натуры было свойственно, исходя из культурно-цивилизованных правил приличия, признать за женщиной такое принципиальное равенство в обращении и равноправие, которые выходили за рамки обычных мотиваций эпохи. Не следует забывать также и того обстоятельства, что в период русской оккупации и администрирования в ходе Семилетней войны, начиная с 1758 года, наряду с гарантией свободы вероисповедания, торговли и передвижения, установилась всеобщая либерализация общественных нравов, что, как справедливо заметила У. П. Яух, означало для кенигсбергских женщин настоящее «пробуждение» от спячки «педантичной чопорности пиестистского образа жизни»¹³.

Помимо царивших среди горожанок порой чрезвычайно сво-

бодных нравов это выражалось и в том, что они даже допускались в качестве слушательниц в Альбертину, что, однако, вовсе не означало превращения их в «синие чулки» и ученых дам. И если сам Кант не одобрял чувственных проявлений у лиц обоего пола, то он все же до некоторой степени мог понять тот случай, когда женщина в той же мере, что и мужчина, низводящий прекрасную половину человечества до положения вещи своей все еще не изжитой установкой на женщину как на объект наслаждения, могла иметь потребность и право на целостное подтверждение и раскрытие своей сущности. Да, он был твердо уверен в том, что, как правило, прежде всего муж при определенных условиях «желает подчиниться жене»¹⁴ и что признание женской личности идет на пользу возвышения как мужской, так и женской добродетели¹⁵.

Таким образом, и этот старый холостяк покорно мирился с тем, чтобы — хотя и несколько иначе, чем в случае с графиней Амалией фон Кайзерлинг — «подчиниться» до известной степени даже на публике провинциального Кенигсберга юной, брызжущей жизнью Шарлотте, извлекая из этого знакомства — не без легкого развлеченія — личный психологический опыт относительно женского своеобразия.

Брак Якоби-Швинк, несмотря на несколько свободный образ жизни г-жи коммерции советницы, благополучнейшим образом просуществовал более десяти лет. Успешные торговые операции владельца фирмы, общественное уважение, привлекательная жена и многочисленные представительные друзья сделали их дом излюбленным местом встреч. Оба их ребенка, правда, умерли вскоре после рождения. Кант, Гиппель и Гаманн тоже постоянно вращались в их доме. При посредничестве Канта в 1767 году Якоби подыскал для бедствовавшего тогда Гаманна временную должность при таможенном управлении. С момента воссоздания в 1760 году в Кенигсберге «Ложы трех корон» Якоби также являлся членом этого «ордена вольных каменщиков», объединявшего (за исключением Канта, Грина и Гаманна) виднейших представителей кенигсбергской аристократии и крупной буржуазии¹⁶.

Но со стороны вдруг неожиданно появился некий любвеобильный жизнелюб и стал так настойчиво ухаживать за прекрасной Марией Шарлоттой, что в конце концов разрушил семейный очаг.

Иоганн Юлиус Гёшен (1736—1798)¹⁷, сын священника из Вольдевише в герцогстве Брауншвейг, оказался в Кенигсберге, вероятно, году в 1762. Здесь он получает должность при монетном дворе, и уже в 1764 году этот толковый финансовый инспектор и ловкий политик становится директором, или, как говорили в тех местах, «мюнц-мейстером» монетного двора. Он был принят в «Ложу трех корон» и вскоре уже считался одним из лучших друзей Канта и Гиппеля. Последний сделал его — после

Шеффнера и Йентча — третьим в избранном созвездии посвященных в тайну авторства своих произведений¹⁸.

Как юбочник Гёшен пользовался среди друзей легендарной славой, что воспринимал с нескрываемым удовольствием. Так, 1 сентября 1768 года Гиппель написал секретарю миссии в Данциге Гроссманну следующее: «Не знакомьте же его (Гёшена) в Данциге ни с одним милым созданием, иначе тем позднее мы получим его (Гёшена) обратно»¹⁹. Потому-то и неудивительно, что эта столь близкая ему как по темпераменту, так и по жизненному мировосприятию коммерции советница возбудила его интерес и неотразимо привлекла к себе.

Еще одной причиной нарушения супружеской верности явилась тесная финансовая и общественная связь четы Якоби с Гёшеном. Правда, прошло несколько лет, прежде чем эта связь приняла характер дилеммы и получила огласку в Кенигсберге, став предметом городских пересудов. Своего рода главным свидетелем во всем этом деле явился Теодор Готтлиб фон Гиппель, будущий обер-бургомистр и анонимный автор «Жизнеописаний по восходящей линии» (1778—1781), а также трактатов «О браке» (1774) и «О гражданском улучшении женщин», чья переписка с Шеффнером, наряду с перепиской Шеффнера с Гаманном, вообще относится к сокровищницам локальной истории Кенигсберга той эпохи.

Гиппель, Теодор Готтлиб, немецкий писатель, родился в 1741 году, умер в 1796. В 16 лет поступил на теологический факультет Кенигсбергского университета и здесь познакомился с русским лейтенантом ф. Кайзером, который в 1760 г. взял его с собой в Санкт-Петербург и впервые ввел его в светское общество. В Санкт-Петербурге он оставался до 1761 г. и затем вернулся в Германию. В своих сочинениях, которые до самой смерти Г. выходили анонимно, он преимущественно трактует глубокие проблемы жизни. Более или менее удовлетворительные по форме, они свидетельствуют о большом знании людей и в изобилии содержат глубокие наблюдения, спокойному изложению которых сильно мешает, однако, постоянно отвлекающаяся неудержимая фантазия и прихотливое остроумие автора. Наиболее известна книга Г. «О браке» (Берлин, 1774; нов. изд. Бренинга, Лейпциг, 1872). В сочинении «О гражданском улучшении женщин» (Берлин, 1792) он выступает против отстранения женщины от гражданской и научной деятельности. Ту же цель преследует сочинение «О женском образовании» (Берлин, 1801). Его «Жизнеописания по восходящей линии» (Берлин, 1778—81; новая обработка ф. Эттингене, Лейпциг, 1878, 3-е изд. 1892) — роман, юмор которого исходит из глубокой серьезности мировоззрения и который изображает внутреннюю борьбу богато одаренной души. В произведении «Циммерманн I и Фридрих II», а также в романе «Вдоль-поперечные походы рыцаря от А до Я» (Берлин, 1793—94, в 2-х т.) Г. обсуждает тогдашние поли-

тические условия и события; во втором из названных сочинений — особенно деятельность тайных обществ того времени, резко сатирически, но в отрывочном, неровном изложении. Он писал также и духовные песни и другие поэтические опыты, из которых выделяются идиллические «Зарисовки с натуры» (Берлин, 1790). Его комедия «Человек по часам» (2-е изд., 1771), «разобранная» Лессингом в «Гамбургской Драматургии» (письмо 22), богата забавными положениями. Кроме того, Г. написал «О Кенигсбергском штапельном праве» (Берлин, 1791) (штапельное право — юридическое право хранить товары на складе. — *Примеч. пер.*). Его автобиография в «Некрологе» Шлихтергролля напечатана отдельно (Гота, 1800). Издание его «Полного собрания сочинений» вышло в Берлине в 1828—39 гг.

Большая энциклопедия (Под ред. С. Н. Южакова). С.-Петербург, 1896. Т. 6.).

Несмотря на то, что Гиппель был масоном, почитателем литературы, юрисконсульт, а в целом просто общительным и уважаемым в городе человеком, на то, что с середины 60-х годов входил в число ближайших друзей как Якоби, так и Гёшена, он тем не менее довольно рано почувствовал сильную личную неприязнь к г-же коммерции советнице. В своих доверительных письмах к Шеффнеру Гиппель презрительно называл ее то «эта Якоби», то «мадам Якоби», «принцесса Якоби», а то порой и вовсе сокращал до простого «Я». Эта скрытая враждебность основывалась у Гиппеля на глубоком внутреннем разочаровании сентиментального характера, пережитом им в 1762 году и породившем в душе этой, с тех пор ожесточенно живящейся в роль старого холостяка, склонность к женоненавистничеству, что нашло свое отражение в первом варианте его книги о браке и в «Жизнеописаниях». Сюда же, видимо, добавились и воспоминания о той малопоучительной пьесе, что во время русской оккупации поставили, с большим количеством участниц, дамы и девицы из высшего кенигсбергского общества; и тот отдельный скандал, который супруга издателя Иоганна Якоба Кантера сделала достоянием публики в то же самое время, когда случилась эта неприятная история с Гёшеном-Якоби²⁰.

Озлобленность Гиппеля на неверных жен и девиц была безгранична. Так, один из соседних домов он обозначил как «публичный Куршский залив», добавив при этом: «...и таковы многие и большинство наших девиц. Плохо располагает к женитьбе»²¹. В другом месте читаем: «Мы имеем, клянусь всем святым, такой недостаток в Кенигсберге порядочных женщин, какой мы издавна испытываем в честных людях. И это счастье, что нам все же попадается иногда образец»²².

Гиппелю довелось наблюдать весь ход развития семейной катастрофы дома Якоби. Как и Кант со своим биографом Р. Б. Яхманном, Гиппель также не скрывал своих мыслей и прямо обвинил во всем Гёшена²³. Письма к Шеффнеру 1768 года с

резкой отчетливостью прослеживают разрыв брачных уз четы Якоби. И вот, наконец, после многочисленных фрагментарных намеков мы читаем в одном из писем, датированном 17 сентября того же года, следующие, написанные в обычной гиппелевской манере, строки: «Теперь перехожу к одной истории. О, небо! к истории, к которой я должен быть справедлив. К тому же она довольно важная, лишь я пугаю её, как суеверный призрака. Конечно, Вы бы и сами сначала подумали, будто видите призрака, но только ближе! Он имеет и плоть, и остов, и эта история важна.— В будущем месяце Я. разводится со своей женой. Причина развода — супружеская неверность, которую она не только признает, но и несомненно надеется выйти замуж за Г., утверждает, что поступает так потому, что они разведятся и она хочет отделаться от такого, как она говорит, ничтожного субъекта. Если Г. внушил ей эти надежды, то он заслуживает наказания, но выполнит ли он их в действительности, — о, мой любезнейший друг, тогда у меня нет слов. Его имя ужасно страдает, и все вокруг говорят, а эта Я. больше всех, что он женится на ней.

Скажите, смогли ли Вы прочесть письмо до этого места не отрываясь, а ведь это только первые наброски к той картине, что столь отвратительна. Он, Я., не только пожелал взять все на себя, но еще и на коленях преподнес ей договор.

...Итак, принцесса Я. пала. Все презирают ее, а те, кого она так заморочила, торжествуют. Я не могу, я не хочу больше писать. Это неслыханно, отвратительно — и может закончиться самым плачевнейшим образом: я не верю, что Г. женится на ней, по крайней мере в Кенигсберге ему не удастся со всеми приличиями представить ее свету. — Но мне его жаль, поскольку я считаю ее виновнее, чем Г.»²⁴

Вскоре, и не без удивления, мы узнаем следующее:

«Г..., как он утверждает, узнал о разводе не раньше, чем мы ему об этом отписали. Между тем, по слухам, он посещает ее — а посещать ее, общаться с ней и позволять ей оплетать себя, в сущности; одно и то же... Если Вы будете писать Гёшену, то ради Бога не упоминайте ничего о Я...ой истории. Он, Я., распродает всю движимость и весьма охотно избавился бы и от дома. Она называет его другом и отцом, а всем тем, кто посещает их на Буттерберге и видит выставленный ею его портрет, говорит: «Не удивляйтесь, между любовью и дружбой пролегла глубокая пропасть»²⁵.

Помимо этого Гиппель жалуется на то, что «некая публичная молва», что в «здоровые дни» сводила его и чету Якоби вместе²⁶, отныне нападает как на него, так и на Канта. И всю свою злобу на неверных кенигсбергских жен Гиппель излил в следующем своем высказывании, куда включил и «философскую женушку» Канта (das «philosophische Weibchen» Kants):

«Жениться же, на самом деле, может лишь дурак, злодей и

священник. Последний привык быть связанным обязательствами; злодей желает, чтобы его жена была ему неверна, а дурак верит, что она ему верна. Если бы я женился, то сделал бы это как священник, но только если бы моя жена мыслила не как священница. — — — О! святой Апостол. Слава тебе, холостякам вручающему ключи от врат небесных и объявляющему блаженным всякого мужа, жены не имеющего... Эта женщина преподала мне ту истину, понять смысл которой еще отчетливей я имел возможность сразу после этого, а именно, что глупую женщину совратить легче, чем умную, и что у последней больше и чести, и достоинства»²⁷.

И далее он с удовлетворением сообщает Шеффнеру о том, что новое Прусское правовое уложение намерено относительно «*delictogum carnis*» карать супружескую неверность «мечом, а распутниц подвергать порке у позорного столба»²⁸.

Между тем движимость Якоби действительно была распродана с аукциона. «Мад. Я.» переехала в небольшую квартиру по Ландгофмейстер-штрассе, где она пыталась «казаться большей», чем ранее в своем дворце; и хотя любовники больше не отваживались в ближайшую зиму открыто показываться в свете и до самого последнего момента оставляли в неведении всех своих знакомых относительно своих истинных целей²⁹, они, заключив 23 октября 1769 года брачный союз, тем самым опередили планы будущего правоуложения, намеревавшегося запретить лицу, ставшему причиной распада брака, жениться на разведенной.

Кант не признал этой новой пары. Оба они — и Кант, и Гиппель — в качестве друзей и желанных гостей были приглашены на свадебные торжества. В противоположность демонстративно не явившемуся Канту Гиппель в празднике участвовал, хотя и показался себе там довольно неуместным. Это событие он изобразил в письме Шеффнеру и его жене от 4 ноября 1769 года в виде сатирической театральной сцены. Здесь мы читаем следующее: «Начну небольшим описанием мюнцмейстеровой свадьбы. Действие происходило в заново отделанных как внутри, так и снаружи Герлаховских апартаментах. Сударыне это строение знакомо, и мне вовсе не нужно быть излишне пространным в своих описаниях.

Действующие лица. 1. Г-н директор монетного двора. 2. Г-н казначей монетного двора. 3. Бухгалтер монетного двора. 4. Советник Зенфтенберг. 5. Георг Фрид. З**, который сейчас принес исполнительскую присягу в качестве маклера и был исключен из Гражданского собрания в силу своей несостоятельности. 6. Г-н Герлах с супругой. 7 или 8. Моя скромная персона, ну и, само собой разумеется, невеста с женихом.

День открылся в 5 часов пополудни свадебной речью г-на Д. Реккарда, главной темой которой стала религия как необходимая направляющая всякого начинания. Г-н Реккард по при-

чине возвратившейся от солнца кометы, которую он неизменно называл только прекрасной звездой³⁰ (ведь неприлично же, в конце концов, в день свадьбы говорить о комете именно из-за ее хвоста), остаться не смог. В скобках да позволено мне будет спросить, не слышали ли Вы в Вашем неверующем Гумбинне что-либо об этой Реккардовской кометной проповеди, что обеспечила однажды этому добрейшему человеку трапезу в доме Его Превосходительства г-на графа ф. Кайзерлинга. Вернемся же, однако, на Нойе Зорге³¹. За двумя столами происходила игра, а с 9 до 12 вечера ели и пили. Все совершалось тихо, как на поминках. Я, и без того чувствовавший себя совершенно больным, имел к тому же честь сидеть возле мадам Герлах и вести, как обычно, беседы о несовершенстве мира. По окончании праздничного ужина г-н монетный бухгалтер развеселился. Причиной тому, однако, было не окружение, а вино. После нескольких отпущенных им шуток все мы отправились на монетный двор, где обнаружили Эразма (я думаю, Вы еще узнаете этого милейшего человека) с шоколадом — и финал.

Я помог раздеть жениха (невесту не отважился никто), и это навело меня на мысль, что пора раздеться и самому. Я выскользнул потихоньку прочь, и таким образом действие завершилось. — — — После этого я еще два побывал у этой новой супружеской пары, которой кажется, что они ведут себя очень прилично. Во время бракосочетания и за столом она выказала изрядную долю рассудительности, и он — не меньшую. Игру необходимо воспринимать так, как она происходит, и с учетом этого я и прошу понимать меня. Одеты жених и невеста были совершенно просто, и вообще, все общество выглядело словно приглашенным на второй после свадьбы день. Торжественными, что так значительно выделялось на общем фоне, были сильно золоченый камзол г-на казначея, бухгалтерова шпага и моя превосходно подстриженная голова. Я не пожалел пудры и могу себе представить, что бы Вы подумали при виде моего чуба о моем уважаемом коллеге г-не Кл **: ах, если бы я был женат на НБ.

Еще имею честь заметить, что на этой свадьбе, или, скорее, венчании, не было приличествующих званию и моменту песнопений. Г-н Д. Реккард очень много говорил о своей зависти г-ну жениху, и в этом месте я прятался за гардины, чтобы только никто не подумал, что речь идет обо мне.

Вы ведь, наверное, хотите спросить меня о г-не магистре Канте? О, это комедия в пяти действиях, которая для меня нынче невоспроизводима. Давайте-ка лучше завершим этот вечер эпизодом. А то ведь я так много Вам тут наговорил: г-н Кант, поистине добрый малый и мой поистине очень хороший друг, — и есть, и будет — поведал о нынешней г-же мюнц-мейстерше, бывшей г-же тайной советнице, ее супругу так много странностей и так возмущен этой свадьбой, что испытывает серьезные сомне-

ния относительно появления у нее. Я, как Вы легко можете себе представить, тоже изрядно осиротел через эту свадьбу; а поскольку я и так квартирую сейчас на какой-то глухой улочке, то и вовсе собираюсь стать полным отшельником.

Еще два анекдота. Герлах за столом оговорился и назвал невесту: г-жа мюнц-мейстерша, Эразм после свадьбы: г-жа тайная мюнц-мейстерша — «*Sic transit gloria mundi*»³². («Так проходит слава мира». Надо полагать, нынешний статус Марии Шарлотты на иерархической лестнице тогдашней Пруссии оказался порядком ниже того, который она имела, будучи замужем за Иоганном Конрадом Якоби — *Прим. пер.*).

После этого Гёшен жил со своей женой, по выражению Гиппеля, «весело и довольно»³³. Правда, новый очаг потерял многих из своих бывших друзей. Несмотря на все мыслимые и немыслимые усилия эта чета очень медленно возвращалась в свет. Со свойственной ему деликатностью Кант избегал высказываться по этому поводу в переписке. Однако что касается самого дела, то здесь он проявил себя самым бескомпромиссным образом. Хотя его «очень часто и очень настойчиво» приглашали, он больше уже никогда не переступал порога гёшенского дома. Кант держался отстраненно по отношению к Гёшену из уважения к Якоби, с которым продолжал поддерживать дружеские отношения и которого бы посчитал в противном случае оскорбленным. Кроме того, Кант считал бестактностью поддерживать дружбу с обоими господами одновременно и тем самым, чего доброго, косвенно соглашаться с поведением Гёшена. По этому поводу Яхманн замечает: «Мне известно, что сейчас по тому, как он поступил, его ценят и уважают оба этих господина»³⁴.

Отчужденность по отношению к этой новой семье зашла так далеко, что, по свидетельствам очевидцев, философ не уделял никакого внимания и тем четверем детям, что произошли от этого второго брака Шарлотты. Якоби же продолжал входить в круг его постоянных гостей. Последний, правда, так и не смог окончательно оправиться от ударов судьбы. В разное время на публике между ним и Гёшеном случались неприятные столкновения. Лишь постепенно этим братьям одной ложи удалось до некоторой степени восстановить прежние отношения.

Свою дружбу Кант перенес на племянника Якоби — Фридриха Конрада Якоби, которого дядя после своего развода окончательно перетянул из Франкфурта в свою фирму в качестве компаньона и преемника, и тот со своим зятем Кристианом Гёдеке сумел превратить банк в одно из значительнейших финансовых учреждений Восточной Пруссии. Они построили и первый в Кенигсберге рафинадный завод. Кант, как и Гиппель и Гаманн, нередко прибегал к их помощи в банковских операциях. До 1794 года Кант и этого банкира причислял к избранному кругу своих соотрапезников.

Что же касается Гаманна с Гиппелем, то после первоначаль-

ной сдержанности в отношении Гёшена и Шарлотты они затем вновь восстановили прерванные связи. В духовной ауре дома директора монетного двора, оставившего этот пост в 1795 году из-за болезни глаз, Гиппель в трудные для него времена исполнения обязанностей обер-бургомистра чувствовал себя достаточно уютно. Еще 3 июня 1794 года он собственноручно подписал составленное обоими супругами на взаимной основе завещание:

«Теодор Готтлиб ф. Гиппель, госпожи директорши монетного двора Гёшен, ур. Швинк, суд. уст. попечитель»³⁵.

Эпизодов, подобных случаю Швинк-Якоби-Гёшен, в жизни Канта больше не повторялось. Дружеское же общение с представительницами женского пола Кенигсберга он заметно ограничил лишь после смерти графини Кайзерлинг в конце 80-х годов.

¹ Vgl. hierzu: Böttiger K. W. (Hrsg.). Literarische Zustände und Zeitgenossen//Schilderungen aus Karl August Böttiger's handschriftlichem Nachlasse. Erstes Bändchen. Leipzig, 1838. S. 133. Vorländer K. Immanuel Kants Leben. Hamburg, 1911. S. 64. Schöndörffer O. Der elegante Magister//Reichs Philosophischer Almanach aus das Jahr 1924: I. Kant zum Gedächtnis. 22 April 1924. Darmstadt, 1924. S. 65—86; Ritzel W. Immanuel Kant. Eine Biographie. Berlin—New York, 1985. S. 113—117.

² Vgl. Gause Fr. Die Geschichte der Stadt Königsberg. Köln-Graz, 1968. Bd. 2. S. 188ff; vgl. ders. in: Neue Deutsche Biographie. 10. Bd. S. 231f.

³ Ebenda S. 189.

⁴ Конторская книга семьи Якоби (1751—1753) была обнаружена Фрицем Гаузе в частном владении Гельмута Якоби в Госларе.

⁵ Schneider F. J. Theodor Gottlieb von Hippel in den Jahren von 1741 bis 1781 und die erste Epoche seiner literarischen Tätigkeit. Prag, 1911. S. 168; vgl. auch das Register das Lauson in der Vorrede zu seinem ersten Gedichtzyklus "Erster Versuch in Gedichten", bey Joh. Friedrich Driest, Königsberg, 1753, mitteilt.

⁶ Gause Fr. Die Geschichte der Stadt Königsberg. Bd. 2. S. 183.

⁷ Ebenda. S. 257f. Vgl. ders.: Kant und die Frauen//Ostdeutsche Monatshefte 28. 1962. S. 37—42.

⁸ Briefwechsel von Imm. Kant in drei Bänden/Hrsg. von H. E. Fischer. Georg Müller. München, 1913. I. Bd. S. 34.

⁹ Vgl. Schneider F. J. Theodor Gottlieb von Hippel. S. 168. Во втором письме сообщается о том, что уже к этому времени она проводила вечера в обществе Канта и «господина мюнцмейстера», т. е. банкира. Кроме того, он сообщает Канту ту удивительную новость, что «г-на Руссо» надеются вскоре видеть в «окрестностях Берлина», «равно как и г-на Вольтера».

¹⁰ Gause Fr. Kant und Königsberg. Leer/Ostiriesland, 1974. S. 64.

¹¹ Gulyga A. Immanuel Kant. Inzer-Verlag. 1981. S. 77. Намек на главную фигуру комедии Т. Г. фон Гиппеля «Человек по часам», где с гротескным преувеличением в духе Мольера выводится сверхпунктуальный тип характера, оказывается несостоятельным по той простой причине, что эта пьеса Гиппеля стала известна лишь в 1765 году.

¹² По вопросу о кантовской философии полов следует обратиться к недавнему исследованию Урсулы Пиа Яух (Jauch U. P. Immanuel Kant zur Geschlechterdifferenz. Aufklärerische Vorurteilkritik und bürgerliche Geschlechtsvormundschaft. Wien, 1988; однако к дополнительной главе о женской философии Теодора Готтлиба фон Гиппеля следует подходить осторожно.

¹³ Jauch U. P. Immanuel Kant zur Geschlechterdifferenz. S. 58f.

¹⁴ Vgl. Kant I. Gesammelte Schriften. Hrsg. v. d. Kgl. Preuß. Akademie der Wissenschaften. Berlin—Leipzig. 1902 bis 1985. AA 69, 91, 189, 190.

¹⁵ Vgl. ebenda. S. 51, 109.

¹⁶ Vgl. hierzu: Kohnen J. Theodor Gottlieb von Hippel. 1741—1796. L'Homme et l'oeuvre. Berlin—Frankfurt a. M.—New York—Nancy, 1983. 1. Bg. S. 95ff, 139ff; Schneider F. J. Theodor Gottlieb von Hippel. S. 163.

¹⁷ Gause Fr. Die Geschichte der Stadt Königsberg. Bd. 2. S. 204.

¹⁸ В то время как Шеффнер и Йентч в 90-х годах один за другим выдали эту тайну, он единственный из тройки вернейшим образом сохранял ее до самой своей смерти.

¹⁹ Vgl. Schneider F. J. Theodor Gottlieb von Hippel. S. 168.

Это письмо хранится в собрании рукописей Лейпцигского университета.

²⁰ Vgl. Kohnen J. Der Königsberger Buchhändler Johann Jakob Kanter// Nordost-Archiv. Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde. Jg. 17. Lüneburg, 1984. Heft 73. S. 29f; Hippel Th. G. von. Sämtliche Werke. Berlin, 1928, Briefe. Bd. 13. S. 84ff.

²¹ Hippel. Briefe. SW 13. S. 122. Неприязнь ко всему курляндскому коренилась у Гиппеля и в очередном фиаско сентиментального характера, которое этот неудачливый любовник потерпел в результате «интервенции» одного приезжего курляндца: Ср.: Письма. Собрание сочинений. Т. 13. С. 12 и далее. Ядовито замечает он и в «Жизнеописаниях» (SW 2, 175): «Черт меня побери жениться на девице в Кёнигсберге, где прямо-таки засилье курляндцев». Кстати, и сельский юнкер фон Э., повинный в романе в смерти Минхен, тоже курляндец.

²² Ebenda. S. 48.

²³ Vgl. Jachmann R. B. Immanuel Kant, geschildert in Briefen an einen Freund//Immanuel Kant. Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L. E. Borowski, R. B. Jachmann und E. A. Chr. Wasianski. Hrsg. von Felix Groß. Berlin, o. J. (1912). S. 159.

²⁴ Hippel. Briefe. SW 13. S. 59f.

²⁵ Ebenda. S. 65f.

²⁶ Ebenda. S. 66.

²⁷ Ebenda. S. 84f.

²⁸ Ebenda. S. 94.

²⁹ Ebenda. S. 103ff.

³⁰ Реккард считался неплохим астрономом. Он сам оборудовал для себя рядом со своим домом обсерваторию. Здесь, по-видимому, дополнительно присутствует гиппелевская игра слов, так как вплоть до того момента Марию Шарлотту во многих местах, где она появлялась, называли не иначе как истинным «солнцем» кёнигсбергского общества.

³¹ Таково было название улицы, где располагался дом Герлахов.

³² Hippel. Briefe. SW. T. 13. S. 118—121.

³³ Ebenda. S. 126.

³⁴ Jachmann (wie Anm. 23). S. 159f.

³⁵ Schneider F. J. Theodor Gottlieb von Hippel. S. 169.

Перевод с немецкого Ю. А. Волкова.